

ческим: старик зовет героя «посмотреть товар», «пошли в дом; завел в свои горницы, старик велел своей бабе до нага раздетца и повел по комнаты ногу»,¹² — однако общая схема, которую можно было бы определить: муж, сватающий свою жену, — бесспорно совпадает с названной выше. Присутствуют здесь и вещи мужа (шапка, сапоги, шуба), получаемые от жены и потом возвращаемые на место, — символы того, что муж, верящий в возможность существования вещей точно таких же, как его собственные, потом поверит в возможность существования женщины, совершенно похожей на его жену. Показательно, что при этом почти повторяются выражения, которые находим в публикуемом тексте.

В «Истории о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»: «И королева рассмеялась и рече королю, мужу своему: „Я удивляюся, ваше королевское величество, вашему разуму, что изволите мыслить, будто ваш перстень у королевича!.. Не токмо то, что дело з делом сходно и человек в человека народитца!“».

В сборнике Ончукова: «Баба старика стала бранить: „Дикой ты старик! Не даром ты и деньги-то проиграл. Шапка в шапку не находитча? — Сапоги в сапоги находятца, человек в человека находитце, не то шапка в шапку находитце“».¹³ Завершается сказка, как и уже известные нам тексты, отъездом молодых на корабле.

Сравнение текста «Истории о португальской королевне Анне» с бытующими в русской народной традиции сказочными вариантами сюжета «муж, сватающий свою жену» позволяет сделать некоторые выводы: уже в фольклорной традиции наметилась определенная эволюция — рудименты древнего сюжета исчезают, и сказка приобретает новеллистический характер. Завершение этого процесса мы видим в сказке «Белобородый старик». Однако это не значит, что в своих исходных стадиях сюжет был лишен волшебного элемента. Больте и Поливка указывают, что мотив «подземного хода» связан с волшебными помощниками или помощью со стороны постороннего лица, часто брата героини, заключенной в башне.

Следы подобного построения видны в «Машиньке», где хотя помощник утратил свою волшебную функцию и превратился в пронырливого слугу, однако сохранилась характерная черта: герой пассивен, и им движет если не черт, как в «Повести о Савве Грудцыне», то по крайней мере «добрый советник» и «слуга». При этом характерно, что в первой части «Машиньки», не связанной с сюжетом «муж, сватающий свою жену», Слудин дан как герой, полный внутренней инициативы. Собственными усилиями он выбивается из рядовых в офицеры и командира роты, причем автор ясно рисует трудности, препятствующие его продвижению. Однако, лишь только герой включается в собственно сюжетное развитие, он теряет внутреннюю инициативу — все действия совершаются им под влиянием внушений слуги, причем бросается в глаза психологическая немотивированность заинтересованности слуги в успехах господина. Эта пассивность героя сохранилась и в «Белобородом старике» — инициатива перешла к «бабе».

В «Истории о португальской королевне Анне» в этом смысле сам принцип построения образа изменен — герой наделен активностью; в борьбе за земное счастье он не нуждается ни в чьей помощи. Вся система образов приближена к плутовской новелле типа «Фрола Скобеева». Счастье — цель стремлений героя — это физическое наслаждение: «Лег

¹² Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1909 (далее: Н. Е. Ончуков), стр. 63.

¹³ Там же, стр. 64.